

ческую проблему, — опровергать или подтверждать ее рискованно, да и едва-ли нужно.

Итакъ, въ социаль-демократіи, — этомъ хваленомъ „научномъ социализмѣ“, на самомъ дѣлѣ съ научной стороны не все „обстоитъ благополучно“: одно неприемлемо разумомъ и чувствомъ, другое фактически невѣрно, третье практически неосуществимо и невѣроятно; не все-то здѣсь просто, ясно и „логически несокруσιμο“, какъ говорятъ социаль-демократы, а наоборотъ, многое возбуждаетъ къ себѣ сомнѣніе, порождаетъ недоумѣнные вопросы... Социаль-демократія — модная новая теорія, въ томъ и главнѣйшій секретъ ея современнаго успѣха. Но не все модное бываетъ цѣлесообразно и разумно... Отъ неразумныхъ модъ излѣчиваетъ, говорятъ, время.

Социаль-демократическая партія отличается отъ другихъ социалистическихъ партій главнымъ образомъ ученіемъ объ историческомъ материализмѣ и классовой экономической борьбѣ, постепенно подготовляющей торжество будущаго социалистическаго строя; — отличие, касающееся философскаго обоснованія и тактическихъ приемовъ борьбы за социалистическіе идеалы. Самые же социалистическіе идеалы у социаль-демократовъ съ другими социалистическими партіями одинаковы, почему и критика ихъ будетъ имѣть уже общій характеръ, направляясь противъ социализма вообще.

Н. Покровскій.

(Продолженіе будетъ).

ПАМЯТИ

протоіерея **Михаила Прохоровича Архангельскаго.**

(Семейно-бытовой очеркъ).

7-го сентября 1909 г., около 5 часовъ утра, большой звучный колоколь села Русалкина, Каширскаго уѣзда, оповѣстилъ окрестныхъ жителей о кончинѣ дорогаго ихъ пастыря, который въ продолженіе почти 50 лѣтъ скромно и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣшно потрудился на нивѣ Божіей въ одномъ приходѣ. Эта печальная вѣсть скоро облетѣла все концы прихода и наполнила сердца всехъ искреннимъ чувствомъ сожалѣнія о нежданной утратѣ.

Никому сначала не вѣрилось, чтобы такъ быстро безпощадная смерть подкосила силы еще бодрого на видъ старца, который, всего недѣлю тому назадъ, въ воскресный день своимъ обычнымъ звучнымъ голосомъ возносилъ въ храмъ Божию молитву Богу о своихъ и людскихъ прегрѣшеніяхъ.

Если постороннему, при взглядѣ на здоровое и всегда оживленное лицо своего пастыря, казалась далекой мысль о его кончинѣ, то самому усопшему она часто приходила въ голову. Въ самый день своей смертельной болѣзни, въ бесѣдахъ съ своими близкими, онъ не разъ произносилъ: „а вѣдь смерть меня ждетъ— стоять за плечами“. Очевидно, по слову Премудраго: „помни послѣдняя твоя“, онъ за нѣсколько лѣтъ уже началъ помышлять и готовиться къ смертному часу. Года за два или за три до смерти онъ намѣтилъ мѣсто своей могилы, заказалъ старшему сыну гробъ, а гораздо позднѣе указалъ и въ какія ризы облачить его по смерти.

Когда сыновья или близкіе родные пытались утѣшить его мыслью о возможности ему прожить еще нѣсколько лѣтъ, онъ всегда отвѣчалъ такъ: „все равно,— вѣдь рано-ли, поздно-ли, ну черезъ годъ, черезъ два, много черезъ три, а нужно помаленьку собираться“... И вотъ 31 августа, послѣ молитвы на сонъ грядущій, протоіерей Михаилъ, идя на свое ложе, вдругъ почувствовалъ свой страшный часъ смертный. Едва онъ успѣлъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и произнести краткую молитву: „Господи! прости всѣ мои прегрѣшенія“, какъ безпомощно повалился наземъ и съ этого момента не могъ уже болѣе встать съ своего смертнаго одра: вся правая сторона его тѣла была парализована съ лишеніемъ языка и съ потерю на долгое время полного сознанія. Цѣлую недѣлю больной лежалъ въ этомъ недугѣ. Временами, послѣ тяжкаго съ глубокими вздохами сна, наступали моменты сознанія, больной узнавалъ близкихъ своихъ— жену, дѣтей и внуковъ, ласкалъ ихъ, принималъ питье и пищу. Этими моментами сознательнаго пробужденія духовникъ покойнаго воспользовался для напутствованія его въ жизнь вѣчную. Послѣ исповѣди успѣли его дважды приобщить Св. Хр. Таинъ и особоровать; о. Михаилъ скончался въ вѣрѣ и надеждѣ на помощь и милость своего Пастыреначальника. Всѣмъ близкимъ было очень замѣтно, какъ лицо страдальца-іерея, при совершеніи надъ нимъ соборованія и др. молитвословій, принимало сосредоточенно-

серьезное и благоговѣнное выраженіе, а во время причастія Св. Хр. Таинъ онъ видимо всѣмъ своимъ существомъ стремился къ своему Спасителю, съ любовью и даже нѣкоею присущею ему лаской обнявъ и погладилъ рукой край Св. Чаши. Это была утѣшительная минута для самого причастника и благоговѣнно назидательная для всѣхъ окружавшихъ его болѣзненный одръ. Вечеромъ 5-го сент. больной заснулъ и болѣе уже не приходилъ въ сознаніе до самой смерти, послѣдовавшей въ 4 часа 25 мин. утра 7-го сент., на 72 году его жизни. (Родился 1837 г. 27 окт.) 10-го сентября, при ясной, почти лѣтней погодѣ, при многолюдномъ стеченіи прихожанъ, родныхъ и знаемыхъ, было совершено погребеніе протоіерея Михаила цѣлымъ сонмомъ духовенства изъ 18 священниковъ (въ числѣ коихъ—5 сыновей и 2 зятя покойнаго), діакона и нѣсколькихъ окружныхъ псаломщиковъ.

Во время выноса, на литургіи и при отпѣваніи пѣлъ стройно хоръ пѣвчихъ. При гробѣ усопшаго можно было видѣть и прибывшихъ изъ другихъ приходоѡ, давнишнихъ почитателей добраго пастыря; здѣсь же на колѣняхъ и со слезами на глазахъ усердно молился Господу о упокоеніи души своего бывшаго настоятеля и весьма древній старецъ-слѣпецъ заштатный псаломщикъ, мирно прослужившій съ почившимъ почти всю свою жизнь.

Отъ лица собратій протоіерея Михаила произнесены были двѣ прочувствованныя рѣчи: одна послѣ запричастнаго стиха на литургіи священникомъ села Мокраго-Кря, М. Соколовымъ, и другая, во время отпѣванія, священникомъ села Барабанова, П. Никитскимъ. Изъ родственниковъ краткое сердечное слово было сказано зятемъ покойнаго протоіерея, священникомъ села Флоровскаго, М. Лавровымъ. Изъ всѣхъ рѣчей нравственный обликъ покойнаго вырисовывается въ весьма скромнаго пастыря, въ сердечно любящаго и нѣжнаго отца, искуснаго педагога въ воспитаніи своихъ плотскихъ и духовныхъ дѣтей, а также и въ весьма мудраго и добраго начальника въ должности благочиннаго, очень снисходительнаго, но въ то же время и вполне справедливаго.

Тяжела и невозвратима потеря въ лицѣ усопшаго протоіерея не для однихъ только жены, дѣтей и близкихъ родныхъ; онъ былъ дорогъ для всѣхъ—для своихъ прихожанъ и для другихъ, близко знавшихъ его. Нельзя забыть этого благолѣпнаго старца, съ скромнымъ лицомъ, съ пронизательными свѣтло-голубыми

глазами, въ которыхъ вмѣстѣ съ умомъ просвѣчивала какая-то, чуть не дѣтская, нѣжность. Въ обществѣ, особенно среди стороннихъ ему лицъ, онъ никогда не позволялъ выставять себя на показъ, или говорить о своихъ заслугахъ и достоинствахъ; и все таки его высокая благолѣпная фигура была почти всегда и вездѣ предметомъ общаго расположенія къ нему. То и другое вполне зависѣло отъ его внутреннихъ духовныхъ силъ — отъ его недюжиннаго природнаго ума и нѣжнаго сердца, при помощи которыхъ онъ до самыхъ послѣднихъ своихъ дней сохранилъ со всѣми добрыя отношенія. Это была замѣчательно благородная и гуманная натура, въ которой возвышенныя чувства души незамѣтно таились подъ покровомъ необыкновеннаго смиренія. Отличительной и вмѣстѣ привлекательной чертой его характера въ обращеніи съ людьми было его обыкновеніе падать самолюбіе каждаго, въ особенности людей слабыхъ, безхарактерныхъ, или приниженныхъ невзгодами и житейскими обстоятельствами: онъ никогда не позволялъ себѣ укорять таковыхъ и сразу указывать на ихъ ошибки, но всегда старался найти для нихъ причины, извиняющія тотъ или иной поступокъ, и, сообразуясь съ личными особенностями своего собесѣдника, какимъ-то врожденнымъ психологическимъ чутьемъ располагалъ его самого къ выясненію истиннаго своего состоянія и давалъ всякому полезный и практически-мудрый совѣтъ. Совѣтами и бесѣдами покойнаго дорожили и одинаково интересовались и интеллигенты, и простецы, и свой духовный собратъ, — и находили въ нихъ для себя вмѣстѣ съ удовольствіемъ и большую пользу. И не было слышно, чтобы когда покойный кого обидѣлъ словами или поведеніемъ своимъ, и никто никогда на это не жаловался. Вотъ причина всеобщаго расположенія и уваженія къ почившему смиренному старцу-протоіерею, котораго по справедливости называли мудрецомъ вѣка сего.

Интересно прослѣдить всю жизнь покойнаго отца Михаила, при какихъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ она слагалась и развивалась

Родина покойнаго протоіерея Михаила Прохоровича — Грибово, Веневскаго у., или „Грибовка“, какъ это село обычно называютъ и доселѣ въ простонародьи. Здѣсь онъ родился, выросъ и воспитался подъ руководствомъ нѣжной, религіозной и разумной матери. Отца своего, причетника сего села, онъ лишился

очень рано, такъ что совсѣмъ почти не помнилъ его. „Грибовка“... не разъ это названіе срывалось у покойнаго, какъ синонимъ бѣдности и вмѣстѣ заброшенности. „Да есть-ли что на свѣтѣ бѣднѣе Грибовки!“—говаривалъ часто онъ. Очевидно, не красна была жизнь Грибовскаго духовенства, въ особенности сиротъ, въ то отдаленное отъ насъ время, когда родился и жилъ тамъ покойный. Изъ разсказовъ его, какъ живая, вырисовывается весьма неприглядная картина крайняго убожества и страшной нищеты тогдашняго духовенства. Отецъ протоіерея Михаила Прохоровича получалъ въ годъ дохода всего 30 руб. На эти деньги и пей, и ѣшь, и обувайся, и одѣвайся самъ, и содержи своихъ дѣтей. Приходилось, волей не-волей, работать наравнѣ съ мужичками, не покладая рукъ—въ потѣ лица. И жили, какъ говорится, небиваясь съ хлѣба на воду. Ёли въ буквальномъ смыслѣ хлѣбъ да овощи. Щи, квасъ съ рѣдъкой или капустой—вотъ обычная ѣда тогдашняго бѣднаго духовенства и крестьянства. Кромѣ сего—толокно, ржаной и овсяный кисель, кулага и саламата; кисель и саламата съ молокомъ, или небольшою приправой изъ коровьяго масла и овечьяго сала были роскошными, лакомыми блюдами для всѣхъ. Кашу, или мясо видѣли очень рѣдко, только по большимъ праздникамъ, да развѣ на какомъ званомъ обѣдѣ у зажиточнаго прихожанина. Чаю тогда и въ поминѣ не было: пили квасъ, воду, а по праздникамъ варили брагу, пиво и медъ. Одѣвались очень просто: верхняя и нижняя одежда, обыкновенно, изготовлялась путемъ пряденья и тканья холстовъ, изъ овечьей шерсти и льна, покупного совсѣмъ почти не было, за исключеніемъ развѣ богатыхъ. Обувью служили большею частью простые лапти и кожаные сапоги; послѣдніе бѣдными причетниками носились только по праздникамъ, а по буднямъ они ходили даже и въ храмъ въ тѣхъ же лаптяхъ. Бережливость—вообще отличительная черта доброй старины: тогда тщательно хранили не только цѣнныя вещи, но и самыя обыкновенныя предметы домашняго обихода: горшки, ложки и проч. существовали цѣлые десятки лѣтъ и нерѣдко переходили изъ рода въ родъ.

Самыя жилища духовенства мало чѣмъ отличались отъ крестьянскихъ: это были такія же небольшія, въ 6—8 аршинъ, курныя, закоптѣлыя хатки, какъ и у крестьянъ, гдѣ вмѣстѣ съ ребятами на грязномъ, покрытомъ соломой полу обитали и домашнія животныя—телята, ягнята и поросята. У священниковъ,

конечно, хаты были просторнѣй, съ отдѣльными кухнями, и попригляднѣй — съ внѣшней и внутренней стороны. Освѣщались эти жилища самымъ первобытнымъ способомъ. Огонь издували въ буквальномъ смыслѣ этого слова: брали сухую березовую лучинку, приставляли ее къ вынумому изъ печи горящему угольку и дули на уголекъ до тѣхъ поръ, пока лучина не загоралась. Зажженная такимъ путемъ лучина вставлялась въ свѣтець— своеобразный, такъ сказать, старинный подсвѣчникъ. Онъ состоялъ изъ деревяннаго столбика, съ развилыстыми желѣзными рожками вверху, сюда-то и вкладалось заженная лучина, которая безпрестанно поправлялась и замѣнялась новою, обычно малолѣтками, слѣдившими за свѣтцомъ въ то время, когда старшіе были заняты работой—женщины пряжей, тканьемъ или вязаньемъ, мужчины плетениемъ лаптей, починкою сбруи, или другимъ какимъ домашнимъ дѣломъ. Около свѣтца подъ лучину ставились лохань или шайка съ водой, куда и падали горящія искорки и угольки отъ лучины. Освѣщали свои хибарки и при помощи коноплянаго и льнянаго масла, налитаго въ простой черепокъ съ фитилемъ, выходившимъ на край черепка. Только у богатыхъ зажигались сальныя, восковыя и „калетовскія“ — стеариновыя свѣчи. Спичекъ тогда не было; а если и стали появляться въ 40-хъ годахъ сѣрныя красныя спички, то ими пользовались сначала только немногіе—состоятельные, бѣдные же и 1 копѣйки, которая по-старинному „на ассигнаціи“ = $3\frac{1}{2}$ коп., отдать за коробокъ считали за большое дѣло. Нѣкоторые сами дѣлали спички: тонкія, въ четверть длины, лучинки обмакивали въ сѣру, но и эти самодѣльныя спички безъ огнива—кременя и трута, не зажигались. Приходилось всегда поддерживать свой домашній очагъ, для чего огонь—горящіе угли глубоко зарывали въ золу и тщательно берегли въ печи до слѣдующаго дня; иногда въ углу печи дѣлали небольшое углубленіе и здѣсь зарывали въ золу горящую головню до утра. Если горящій уголь переводился въ своей печи, шли съ горшкомъ за огнемъ—углемъ къ сосѣду и брали у него. Въ большіе праздники сосѣди перѣдко отказывали другъ-другу въ этомъ необходимомъ огонькѣ: „ужь не съ подвохомъ-ли ты какимъ пришелъ ко мнѣ въ такой великій праздникъ“,—говаривали они въ такомъ случаѣ сосѣду, — существовала, видно, какая-то нехорошая примѣта. И въ осеннее и зимнее время вставали очень рано, — въ 4 или 5 часовъ утра

уже были всѣ на ногахъ и за дѣломъ, а ложились спать послѣ первыхъ, а иногда послѣ вторыхъ пѣтуховъ. Вообще спали очень мало. Особенно усиленно работали по ночамъ въ Филиповки, когда еще не появлялись на свѣтъ ягнята и телята и не мѣшали домашней работѣ. Тогда завистливыя бабы и старушки напрядали до Рождества Хр. на 2 или на 3 холста пряжи (холсты были отъ 35 до 40 арш. длины). Встарину говаривали: „Филиппъ рубашку даетъ“; „если подѣ тынкомъ (дома) не напрядешь, то подѣ полынкомъ (дѣломъ) ужь нечего ждуть“.

Вотъ въ какой патриархальной простотѣ и бѣдной обстановкѣ воспитывался и росъ покойный протоіерей Михаилъ Прохоровичъ.

Какъ сейчасъ мы видимъ маленькую, тѣсную избушку бѣдной сельской вдовы дьячихи, гдѣ, среди вечерняго сумрака, мигаетъ и потрескиваетъ старинная лучина-лучинушка. На лавкѣ, поближе къ свѣтцу, сидитъ за прякой слабая на видъ, съ пріятнымъ профилемъ еще нестараго лица, женщина-вдова, мать пятерыхъ дѣтей—сиротъ, оставшихся на ея рукахъ по смерти мужа. Она задумчиво своими нѣжными и умными глазами смотритъ куда-то вдаль, — на мигъ какъ-бы застыло въ ея рукахъ веретено. Маленькій, тщедушный Миша тѣсно-тѣсно прижался къ матери и какъ-то жалостливо смотритъ своими свѣтло-голубыми глазами на свою страдалицу—мать. Отъ его умнаго дѣтскаго взора не могъ укрыться ни одинъ вздохъ, ни одинъ печальный взглядъ его матери, — а нѣжная и любимая имъ мать часто задумывалась надъ своимъ горькимъ житьемъ-бытьемъ... Ея и думы были одна тревожнѣе другой: какъ ей быть горькой, бѣдной вдовѣ съ пятью дѣтьми?—куда ихъ пристроить? Вотъ старшій сынъ изъ-за страшной бѣдности остался неученымъ, но онъ хоть добудетъ себѣ кусокъ хлѣба:—онъ крѣпокъ, здоровъ, а что дѣлать съ слабымъ и хилымъ Мишей? Хорошо-бы его отдать въ ученье... Но тутъ ужасъ еще сильнѣе охватывалъ душу бѣдной матери, при воспоминаніи о безпощадной школьной красѣ того времени—„березовой кашѣ“ и о всѣхъ тѣхъ суровыхъ обычаяхъ, въ которыхъ старая школа, „мать-мачеха“,—воспитывала молодое поколѣніе, перенесетъ-ли все это слабенькій здоровьемъ Миша?.. А тутъ вотъ дочери не пристроены: хорошо бы къ старшей, уже невѣстѣ, прискаты зятя, авось тогда лучше будетъ... И такія мысли безпрерывной вереницей роились въ измученной денными заботами

и хлопотами головъ бѣдной вдовы. Но были въ этой, почти нищенской, обстановкѣ и свѣтлыя странички изъ дѣтства покойнаго.

Вотъ свѣтлая пасхальная ночь. Слабый свѣтъ лампы тускло освѣщаетъ комнату, но на душѣ у Миши, его брата и маленькихъ сестренокъ творится что-то необычайно торжественное: имъ кажется, что и хата ихъ съ черными лоснящимися отъ копоти и дыма потолкомъ и стѣнами стала свѣтлѣй и радостнѣй, и лучина много ярче и лучше горитъ,— все какъ-будто улыбается и торжествуетъ. Въ домѣ никто не спитъ. Нѣжная, ласковая мать все что-то хлопочетъ,— очень занята, но видъ ея не такъ, какъ въ обычное время, озабоченъ: на ея пріятномъ лицѣ замѣтна какая-то торжественная сосредоточенность. Запѣлъ одинъ, потомъ другой пѣтухъ... Михаилъ Дорощевичъ, мѣстный свящ., приказалъ благовѣстить: было „куроглашеніе“, т. е. первые пѣтухи пропѣли значить—двѣнадцать часовъ (у духовныхъ тогда часовъ не было, время узнавали по пѣтухамъ). Прошло нѣсколько томительно выжидательныхъ минутъ, и темная Грибовская равнина огласилась радостнымъ пасхальнымъ колокольнымъ звономъ. Всѣ набожно перекрестились: „Христось Воскресъ!“ И Миша, свѣтлый и радостный, вскочилъ съ лавки и спѣшитъ скорѣе надѣвать свои обцовки и идти къ пасхальной утрени. Вотъ онъ уже въ церкви... тысяча огней ярко блеститъ на позолотѣ иконостаса и ризъ, всѣ люди какіе-то радостные и счастливые... Священникъ и причетники тоже какъ будто не тѣ: и голоса ихъ звучатъ какъ-то особенно торжественно. „Христось Воскресе!“ раздается радостный возгласъ священника. „Воистину Воскресе!“ гулко разносится по всему храму дружный и такой же радостный отвѣтъ народа...

Отрадная и свѣтлая дѣтская пора! Какъ искренно жаль ее! Сколько въ ней чистыхъ, высокихъ восторговъ и святой безпредѣльной вѣры во все!.. Послѣ обѣдни и разговѣнія у себя на дому всѣ, „духовные“ шли вслѣдъ за священникомъ съ иконами въ приходъ и всѣмъ соборомъ согласно славили Воскресшаго Христа, получая за это отъ своихъ прихожанъ малую толику— въ видѣ яйца и пироговъ, или въ видѣ копеекъ и грошей. Если гдѣ сажали священника за трапезу, съ нимъ садились и всѣ духовные, весь причтъ, съ женами и дѣтьми. Кромѣ пасхальныхъ трапезъ духовные въ томъ же составѣ посѣщали еще поминныя трапезы. И никто изъ прихожанъ никогда не осуждалъ этого

дѣдовскаго обычая, напротивъ, всё были довольны такими взаимными затрапезными бесѣдами.

Необыкновенная простота жизни, безъ всякихъ излишествъ и роскоши, при патриархальности нравовъ, были причиною нѣсколько сноснаго существованія Грибовскаго духовенства. Само духовенство наравнѣ съ своими прихожанами работало; наравнѣ и питалось; оно жило съ ними одними и тѣми-же духовными и матеріальными интересами; радовалось ихъ радостями и горевало ихъ горестями. И прихожане не оставались въ долгу у духовныхъ: они оказывали имъ помощь во всякой ихъ нуждѣ; не бросали они вдовъ и сиротъ духовенства на произволь судьбы, а кормили ихъ наравнѣ съ другими членами причта и считали ихъ какъ-бы за своихъ родныхъ: помогали имъ въ полѣ и по дому, дарили ихъ по праздникамъ лирожками, льномъ, коноплей и другими сельскими продуктами. Бывали встарину и такіе сердобольные люди: придуть ночью на сиротскую полосу, скосятъ ее, и никто не узнаетъ, — не то что нынѣ: зовешь — не дозвешься и молишь не умолишь. И молились тогда много — усерднѣй нынѣшняго: холодные храмы, а по праздникамъ были биткомъ полны народомъ, а кому бывало по чему-либо нельзя было прійти въ церковь, тотъ своими домочадцами цѣлые часы, когда шла церковная служба, молился дома усердно, на колѣняхъ предъ иконами съ зажженной конеечной свѣчкой. Много проще, богобоязненнѣй и сердечнѣй былъ народъ, — согласнѣй жили и лучше помогали другъ-другу во всякой нуждѣ. Съ такими добрыми, простыми и религіозными прихожанами и духовенство сроднилось на всю жизнь: какъ бы плохо и бѣдно ни жилось въ какомъ-либо селѣ тогдашнему духовенству, оно никогда не покидало его, — крѣпко приростало къ одному, избранному разъ навсегда, мѣсту и считало его какъ-бы за свое всегдашнее родное достояніе. Такъ и мать протоіерея Михаила Прохоровича всю жизнь свою прожила въ бѣдномъ селѣ Грибовѣдовѣ и, при помощи Божіей и добрыхъ людей, кое-какъ кормилась здѣсь съ своими сиротами. Единственнымъ богатствомъ у нея самой была хорошая дойная корова, которая питала дѣтишекъ вкуснымъ молокомъ; для сколько-нибудь сноснаго существованія необходимо было все время трудиться, трудиться изъ послѣднихъ силъ, а иногда и „христардничать“ предъ сильными и богатыми людьми. Хотя по обычаю того времени вдова изъ духовенства и пользовалась

доходами своего мужа до опредѣленія кого-нибудь изъ ея дѣтей на мѣсто отца, но доходы эти были такъ незначительны, что ими одними, безъ личнаго труда и безъ сторонней помощи невозможно было существовать. Не лучше стало ей съ дѣтьми и послѣ того, когда она, сиуетя нѣскольго лѣтъ по смерти мужа, приняла къ себѣ въ домъ зятя: въ зятя попалъ человекъ грубый, безнечный и къ тому же очень нетрезвый. Бѣдность осталась та-же, если не болѣе, съ прибавкою еще пьяныхъ мучительныхъ сценъ, которыя страшною болью отзывались въ сердцѣ бѣдной матери. И опять она, эта страдалица, мать, осталась одна со всѣми своими нуждами и заботами.

Священникъ *Петръ Ильинскій*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Объявленіе.

ПАРОВЫЕ ЛѢСОПИЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ и ЛѢСНЫЕ СКЛАДЫ Торгово-Промышленнаго Т-ва К. Н. ПОПОВЪ и К^о,

въ г. Алатырѣ, Симб. г. — (Ст. Моск.-Казанской ж. д.).

Всѣхъ размѣровъ балки, брусья, лафеты, доски, тесь, шелевка, рейки, пластины, стояки и валы для мельницъ, бревна, слеги и разные другіе лѣсные матеріалы.

— ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ. —

На провозъ матеріаловъ для постройки церквей имѣетъ отъ станціи Алатырь специальный льготный тарифъ съ значительнымъ пониженіемъ провозной платы.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ и справки высылаются немедленно по востребованію.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Къ вопросу о пастырскомъ объединеніи на почвѣ проповѣданія слова Божія. (Окончаніе). *Сельскаго пастыря*. — О псаломщикахъ, — Соціализмъ. (Проложеніе). *Н. Докровскаго*. — Памяти прот. Михаила Прохоровича Архангельскаго. Свящ. *Петра Ильинскаго*. — Объявленіе.

Редакторъ неоф. части, Архимандритъ **Алексій**.

Тула. 6 мая 1910 года. Дозволено цензурою.

Цензоръ священникъ *Александръ Моисеевъ*.

Типографія Е. И. Дружининой, въ Тулѣ.

ПАМЯТИ

протоіеря Михаила Прохоровича Архангельскаго.

(Продолженіе *).

Послѣ долгихъ колебаній бѣдная вдова, въ концѣ концовъ, рѣшилась отдать своего Мишу въ духовное училище. „А можетъ быть и выйдетъ въ хорошіе люди. — говорятъ вѣдь, что онъ очень способный мальчикъ, — а содержаться онъ, какъ сирота, все время будетъ на казенномъ“, — такъ думалось матери, старавшейся къ тому-же поскорѣй вырвать своего мальчика изъ тяжелой семейной обстановки. И вотъ мы видимъ эту труженицу-мать въ пути, съ котомкою за плечами и съ посохомъ въ рукахъ, — то она сама ведетъ записывать своего Мишу въ училище; всю дорогу и въ самой школѣ она, со слезами на глазахъ, упрашиваетъ его какъ можно прилежиѣ учиться: „помилуй Богъ, не перейдешь въ другой классъ, содержать мнѣ тебя не на что — исключать тебя, а я съ тоски и горя умру, — не перенесу этого“... А вотъ эта же нѣжная, любящая мать, съ трепетнымъ замираніемъ сердца, за селомъ, въ мѣстечкѣ „Гнилая колода“ (лугъ), ждетъ съ нетерпѣніемъ возвращенія на каникулы своего Миши. Неподвижная, съ блѣднымъ лицомъ, она лихорадочнымъ взоромъ старается еще издали уловить выраженіе скорби или радости на лицѣ своего сына, но послѣдній всегда въ подобныхъ встрѣчахъ, при своемъ приближеніи, утѣшалъ ее радостнымъ предупредительнымъ крикомъ: „перешель, перешель“. Въ одну изъ такихъ встрѣчъ сердце бѣдной матери облилось кровью: ея тщедушнаго Мишу ведутъ товарищи, какъ какого-то слѣпца, на палкѣ: слабого мальчика постигла въ школѣ куриная слѣпота. Трудна была старинная школа для ея питомцевъ: отъ плохого питанія и неопытнаго содержанія у послѣднихъ часто заводились разныя кожные болѣзни — головная перхоть, сыпи, короста, куриная слѣпота и проч. Къ этимъ прелестямъ присоединялась еще излюбленная тогдашними педагогами жестокая березовая каша, которою болѣе чѣмъ гречневой, — кормили тогда питомцевъ, кормили и за дѣло и за бездѣліе, и за незнаніе, а больше — за простое недоразумѣніе.

*) См. № 18 Еп. Вѣд. за текущій 1910 годъ.

Покойный протоіерей рассказывалъ, что его однажды высѣкли за ариѳметику: за „7 да 3“,— въ такой неопредѣленной формѣ предложенъ былъ учителемъ вопросъ. Я и знаю—сложить, или вообще зналъ, сколько это будетъ: 7 и 3, а „7 да 3“, такъ и не понялъ, что это такое,—ну и высѣкли до горячаго ни за-что, ни про-что. Можно себѣ представить, какъ ужасна была эта школа „мачиха“ для нѣжной первной матери, которая, какъ зѣницу ока, берегла своего Мишу. По словамъ покойнаго,—это была хоть простая, неграмотная, но рѣдкостная по тому времени женщина: она очень разумно, не такъ какъ всѣ, воспитывала своихъ дѣтей. „Розги или побоевъ мы никогда отъ нея не видали, она всегда искренно возмущалась противъ всякаго грубаго обращенія съ дѣтьми и вообще не любила никакого насилія надъ человѣческой личностью; по-сему, при всей строгости тогдашняго времени, неудивительно, если ея материнская любовь нашла въ себѣ столько мужества и рѣшимости, чтобы съ самаго начала моего ученія категорически заказать всѣмъ товарищамъ и аудиторамъ по квартирѣ,—никакъ не трогать меня подъ опасеніемъ отвѣтить имъ за это предъ авторитетомъ какого-то Козьмы Максимовича“,— такъ рассказывалъ покойный о своей матери, въ шутку называя ее за эту смѣлость—„либералкой“. Но если попеченія матери объ изыятіи отъ побоевъ и др. тѣлесныхъ наказаній ея дитяти достигали своей цѣли на квартирѣ, то они ровно ничего не значили за дверьми суровой школы. Вотъ почему питомцы послѣдней, по окончаніи третнихъ и годичныхъ занятій, всегда бѣжали изъ нея опрометью, и ни рѣвки, ни многочисленные ручьи съ перспективами получить холодную и опасную для здоровья и жизни ванную во время половодья, ни самая дальность разстоянія—аа 50 и 100 верстъ,—ничто не могло охладить ихъ рвенія поскорѣй вырваться на свѣжій, свободный просторъ и попасть подъ теплый и нѣжный кровъ дорогихъ родителей, гдѣ они освѣжались душой и обновлялись тѣломъ. Во все время своего ученія покойный протоіерей домой на каникулы и послѣ нихъ въ школу ходилъ пѣшкомъ. Заботливая мать въ этомъ случаѣ почти всегда сама сопровождала сына и потомъ раза два, а иногда и три въ треть навѣщала его въ училищѣ, а иногда и въ семинаріи. Увидить, бывало, она его во снѣ и въ тотъ же день, рано утромъ, съ посохомъ въ рукѣ, безъ конейки денегъ, съ однимъ чернымъ хлѣбомъ, спѣшить за 60 верстъ въ Тулу повидаться съ дорогимъ сыночкомъ. И Миша

въ благодарность матери за ея нѣжныя заботы о немъ всегда радовалъ ее своими успѣхами: онъ безъ задержки переходилъ изъ класса въ классъ. Наконецъ, въ 1860 году юноша возвратился въ свой родной домъ кончившимъ курсъ счастливымъ семинаристомъ, къ величайшей радости своей добрѣйшей матери, которая вскорѣ послѣ этого въ одинъ изъ 70-хъ годовъ скончалась отъ злостной холеры. Въ слѣдующемъ 1861 году юный семинаристъ Михаилъ Прохоровичъ поступилъ на діаконское мѣсто въ село Русалкино, Каширскаго уѣзда, „во дворъ“, каковое поступленіе, по обычаю того времени, соединилось съ обязательствомъ „спокоить“, — т. е. кормить и поить до смерти семейство своихъ предшественниковъ. Новый о. діаконъ занялъ мѣсто родного дѣда своей жены, который вмѣстѣ съ своею супругой болѣе 5-ти лѣтъ жилъ въ одномъ домѣ съ своимъ новопріемнымъ зятемъ. Старики діаконъ съ діаконицей были типичные люди: дальше своего Русалкина они не знали свѣта, — замкнутые, расчетливые скопидомы, они дрожали надъ каждой крохой, слѣдили за самою послѣднею мелочью. Хотя теперь съ передачею мѣста внучкѣ, за ними уже не стояло никакого дѣла, однако по обычаю ли то, или по привычкѣ, они все таки вставали всегда до пѣтуховъ — „до свѣту“ и непременно чѣмъ-нибудь да занимались; нерѣдко они позволяли себѣ слегка, любовно, и пожурить своихъ новыхъ хозяевъ родственниковъ за ихъ яко-бы халатное отношеніе къ дѣламъ своего хозяйства. Особенною домовитостью и хлопотливостью отличалась подвижная, веселая и добродушная супруга стараго діакона, Ильи Ильича Богородицкаго, Арина Васильевна: она составляла прямую противоположность матери о. Михаила Прохоровича. Какъ и всѣ женщины того времени, Арина Васильевна грамотѣ не знала и всѣ свѣдѣнія календарныя, или событія изъ своей жизни примѣчала и запоминала своимъ особымъ способомъ. Такъ, о днѣ своихъ именинъ она догадывалась по храмовымъ праздникамъ своего села. Она говорила: „во что богомолье, (2-го іюля Ахтырск. иконы Божіей Матери и 1-го октября Покровъ Пр. Богородицы—храмовые праздники села Русалкина, первый праздникъ назывался „богомольемъ“), въ то и Покровъ, въ тотъ день и Арина Васильевна именинница“. Вообще Арина Васильевна любила свою рѣчь переплетать разными притчами, прибаутками и поговорками. Увидить, бывало, у кого-либо обновку въ одеждѣ, или какую покупку въ хозяйствѣ, непременно спросить: „а что, подонцо-то

(подати) уплочено“? а то и пословицу прилететь: „не по поздрямъ дымъ пуцаете“. Или: „не сказывай лучина, что дѣлается у благочина“. На счетъ домашнихъ дѣлъ она и сама не любила открывничать и другимъ не совѣтовала этого: „не сказывай Ерема, что дѣлается дома“. По ея добродушію, никто на подобныя прибаутки и шутки ея не обижался. Подъ контролемъ такихъ-то домовитыхъ, заботливыхъ и добродушныхъ старичковъ протекали первоначальные годы молодого о. діакона. Діаконская жизнь въ селѣ Русалкинѣ мало чѣмъ отличалась отъ жизни „Грибовской“: также бѣдно ѣли, также бѣдно и одѣвались. Чаю тоже не пили долгое время. На 70 р., которые получалъ въ то время діаконъ въ селѣ Русалкинѣ, невозможно было прожить самому, если не заниматься всѣми работами по дому и въ полѣ. Черной работы въ то время не чуждались даже и священники, — а діаконы и причетники и по-давно обречены были на тяжелый и упорный трудъ. Еще въ домѣ своей матери покойный свыкъся съ непривычною обстановкой и съ привычкою къ черному труду, поэтому онъ никогда не тяготился простою жизнью и съ своими домашними дружно работалъ въ полѣ и дома; точно также первое время работалъ онъ и будучи во священникахъ: только лѣтъ за 15 до смерти сѣвальня слѣзла съ его плечъ, и онъ пересталъ самъ разсѣивать и заниматься другими тяжелыми работами. Въ небольшомъ, старенькомъ домикѣ о. Михаила всегда было людно и тѣсно: сначала жили вмѣстѣ старички, а потомъ — свои дѣти, да бѣдныя сестры. Почившій никогда не тяготился своими родными. Насчетъ тѣсноты помѣщенія или недостатка средствъ при жизни съ родными онъ обыкновенно такъ говорилъ: „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, — чего у меня нѣтъ, на томъ не взыщи, а съ своимъ роднымъ я всегда готовъ и долженъ разломить пополамъ послѣдній оставшійся у меня кусокъ хлѣба“. Любимымъ занятіемъ о. Михаила было чтеніе книгъ и журналовъ духовной и свѣтской литературы, которую онъ въ изобиліи доставалъ въ домахъ прихожанъ-помѣщиковъ и у др. лицъ. Онъ читалъ книги въ кругу своей семьи въ долгіе осенніе и зимніе вечера. Ни занятія служебныя, ни даже впоследствии сложная должность благочиннаго, ни лѣта, — ничто не могло отвлечь его отъ чтенія. Въ то же время, онъ никогда не чуждался общенія съ бѣдными своими прихожанами-крестьянами; за это а равно и за благозвучное и разумно-осмысленное служеніе въ храмѣ всѣ Русалкинскіе

прихожане такъ полюбили своего о. діакона, что не на шутку затужили, когда онъ, въ 1874 году 13 окт., опредѣленъ былъ во священника въ село Злобино того-же уѣзда — въ 6-ти верстахъ отъ Русалкина. Не проходитъ и 2-хъ годовъ, какъ они обращаются съ просьбою къ Преосвященнѣйшему Никандру перевести обратно къ нимъ ихъ бывшаго діакона, священника села Злобина; и 3 іюня 1876 года о. Михаилъ снова перемѣщенъ въ село Русалкино; съ тѣхъ поръ и до самой своей смерти онъ несмѣнно служилъ въ этомъ селѣ; и онъ такъ привязался къ нему, что даже, когда имѣлъ возможность занять хорошій приходъ въ городѣ, остался вѣренъ Русалкину.

Свящ. *Петръ Ильинскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

22-го августа, въ воскресенье, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Епископъ Парѣній, служилъ литургію въ Крестовой церкви; за литургіею рукоположенъ былъ во діакона воспитаникъ Тульской духовной семинаріи (выпуска 1910 г.) Алексѣй Некрасовъ, опредѣленный во священника въ село Захарьино, Каширскаго уѣзда.

23-го августа, въ понедѣльникъ, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Епископъ Парѣній, совершилъ чинъ освященія новаго каменнаго храма и литургію въ ономъ въ с. Лошачьемъ, Одоевскаго уѣзда; на литургіи рукоположенъ былъ во священника вышеозначенный діаконъ, о. А. Некрасовъ.

28-го августа, въ субботу, наканунѣ праздника Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, всенощное бдѣніе, равно какъ и литургію въ день праздника Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Епископъ Парѣній, служилъ въ Предтеченской Крестовой церкви. Предъ началомъ литургіи Его Преосвященствомъ отслужена была панихида по въ Бозѣ почившихъ Государяхъ Императорахъ: Александрѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III, равно какъ и о всѣхъ православныхъ воинахъ, за вѣру, Царя и Отечество животь свой на брани положившихъ. По прочтеніи на литургіи Евангелія, Его Преосвященство говорилъ народу поученіе о томъ, какъ не надо жить (рѣчь была объ упоминаемыхъ въ праздничномъ евангельскомъ чтеніи порокахъ: пьянствѣ, объядѣ-

нія своей инструкціи, Высочайше утвержденной, *) голословно возводя вины на заводъ, обогащаютъ частныхъ торговцевъ. (въ то же время вызывая на себя разные налоги), яко-бы болѣе блюдущихъ религіозное чувство вѣрующихъ и святость предметовъ церковнаго потребленія, чѣмъ учрежденіе, на это назначенное и контролируемое?

П. К. В.

ПАМЯТИ протоіеря Михаила Прохоровича Архангельскаго.

(Окончаніе **).

Сначала о. Михаилъ, когда ростилъ, воспитывалъ и опредѣлялъ на мѣста своихъ дѣтей, жилъ въ большой бѣдности. Приходъ села Русалкина небольшой и всегда былъ небогатый, только обиліе земельныхъ угодій, требовавшихъ много ухода и труда, дѣлало его сноснымъ для жизни. Въ первые годы священничества покойный въ селѣ Русалкинѣ получалъ ежегодно дохода отъ 200 до 300 руб.; на эти средства нужно было содержать семью да 2—3 сыновей въ школахъ. Только при помощи разумнаго, умѣлаго хозяйства, о. Михаилу удалось всѣхъ своихъ пятерыхъ сыновей выучить до полученія ими сана священства. Двухъ дочерей, за недостаткомъ средствъ, пришлось даже оставить безъ школьнаго образованія.

Здѣсь нельзя умолчать объ особенной способности покойнаго къ педагогикѣ или воспитанію, что въ свое время отмѣчено было и Епархіальнымъ Начальствомъ, назначившимъ его въ 1884 году окружнымъ наблюдателемъ надъ школами, каковымъ онъ былъ до учрежденія, въ 1896 году, уѣздныхъ наблюдателей. Свои педагогическія способности о. Михаилъ прежде всего показалъ на своихъ дѣтяхъ. Унаслѣдовавъ отъ матери нѣжное, любящее сердце, онъ воспріялъ отъ нея и отвращеніе къ сухой, бездушнѣй морали и вообще ко всякому насилію надъ личностію ребенка: ни розги, ни побоевъ, ни даже грубыхъ криковъ или какихъ-либо рѣзкостей въ обращеніи съ дѣтьми онъ никогда не употреблялъ. Это былъ

*) Повелѣвающей церковнымъ старостамъ все потребное для богослуженія брать на Епархіальномъ заводѣ.

**) См. № 18 и 34 Еп. Вѣд. за текущій 1910 годъ.

ласковый и необыкновенно нѣжный отецъ, который исправлялъ погрѣшности дѣтей единственно сердечнымъ и разумнымъ внушеніемъ, всегда примѣняясь къ ихъ личнымъ особенностямъ. Замѣчательною чертою покойнаго при воспитаніи и образованіи дѣтей было его выжидательное, терпѣливое отношеніе къ развитію ихъ умственныхъ способностей. Случай сравнительно поздняго развитія умственныхъ способностей наблюдался у одного изъ его сыновей, котораго за малоуспѣшность въ училищѣ совѣтовали даже вовсе не учить, но мудрый и дальновидный педагогъ-отецъ не внялъ такому совѣту и, не щадя никакихъ средствъ, довелъ своего мальчюка до семинаріи, гдѣ послѣдній сразу, въ одинъ годъ, отличился хорошими успѣхами и вышелъ въ жизни весьма незауряднымъ священникомъ.

Правильное воспитаніе родителями своихъ дѣтей посѣяло въ душахъ послѣднихъ глубокую любовь и уваженіе къ нимъ; движимые этою любовью, они съ успѣхомъ прошли свое ученіе и потомъ навсегда остались крѣпко связанными теплымъ сердечнымъ отношеніемъ съ своимъ роднымъ кровомъ. Какъ-бы ни были они заняты своими служебными и семейными дѣлами, а ужъ всегда улучали время провѣдать своихъ родителей и свое родное Русалкино.— Небольшое село Русалкино, но какое въ немъ было оживленіе?— въ первое время— отъ дѣтей и близкихъ родныхъ покойнаго, а въ послѣднее, когда о. Михаилъ былъ, съ 1898 года и до самой смерти, благочиннымъ,— и отъ стороннихъ посѣтителей. Особенно оживленными и шумно-веселыми были дни семейныхъ торжествъ, когда къ старцу-отцу съѣзжались его пять сыновей и зятя, нерѣдко съ своими дѣтьми, а также и сторонніе гости. Покойный былъ всегда радушнымъ и веселымъ хозяиномъ-хлѣбосоломъ и интереснымъ собесѣдникомъ. Это была впечатлительная, поэтически-одухотворенная натура, которая живо отзывалась на всѣ явленія и событія семейной и общественной жизни. Подъ воздѣйствіемъ красотъ природы, при видѣ счастливыхъ, здоровыхъ дѣтей и внуковъ, или подъ вліяніемъ какого-либо благопріятнаго момента, душевное настроеніе покойнаго нерѣдко принимало прямо таки юношескій отпечатокъ. Не разъ приходилось видѣть его съ живымъ, блестящимъ взоромъ, горячо спорящимъ среди молодежи на разныя темы— научныя, религіозныя, или житейски-бытовыя— и, въ концѣ концовъ, своимъ вѣрнымъ логическимъ анализомъ, онъ обычно охлаждалъ не въ мѣру расходившіяся страсти по-

слѣдней. Ни за что бывало не утерпѣть этотъ юный-старецъ случая пойти вмѣстѣ съ молодежью погулять въ рощу или, такъ называемое, мѣстечко — „Орлово“ и тамъ принять чуть не дѣтское участіе въ невинныхъ забавахъ и развлеченіяхъ. Это былъ по-истинѣ отецъ-юноша, товарищъ, другъ и братъ своимъ дѣтямъ и внукамъ. И тѣ и другіе съ нимъ жили вполнѣ откровенно: дѣлились съ нимъ даже самыми затаенными своими мечтами и помыслами. Отрадны и поучительны были эти собранія и для постороннихъ людей, которые, кромѣ того, не могли не поражаться такою дружною семейною сплоченностію близъ родного очага, гдѣ дѣти священника, сами уже умудренные опытомъ и почтенные лѣтами, не переставали учиться у своего любимаго родителя еще большей житейской мудрости и христіанскому терпѣнію; особенно въ послѣднее освободительное время, когда и самый опытный человѣкъ терялся и не зналъ, что ему дѣлать, полезны были дѣтямъ и другимъ эти семейныя бесѣды. Покойный протоіерей самъ прошелъ долгій житейски-тернистый путь, на которомъ предъ его мысленнымъ взоромъ протекли разныя событія, промелькнули всевозможныя лица,— все это онъ самъ наблюдалъ и многое переиспыталъ на своихъ плечахъ, а посему его бесѣды, часто освѣщаемыя яркими примѣрами изъ жизни, были особенно убѣдительны и цѣнны. Онъ зналъ хорошо жизнь и бытъ разныхъ сословій, а его большая начитанность послужила къ лучшему всестороннему развитію его природнаго ума и къ правильному воспитанію его добраго сердца. Вотъ почему въ его трезвыхъ сужденіяхъ о людяхъ и о разныхъ событіяхъ современной и прошлой жизни не было той безошадной нетерпимости и узкой односторонности, какія присущи мало развитымъ умамъ съ холоднымъ бездушнымъ сердцемъ; онъ не былъ никогда ни одностороннимъ поклонникомъ, ни противникомъ старины, или новизны, но во всемъ, съ психологической точностію и вѣрностію, отмѣчалъ и доброе, и плохое. Только его мирной и терпѣливой натурѣ сильно претили событія современнаго ложно-освободительнаго теченія, полнаго грабежей, пожаровъ и всякаго вообще насилія и обезьяньяго подражанья на западный ладъ, когда была немислима никакая культурно-созидательная работа ни для правительства, ни для отдѣльныхъ личностей; это движеніе онъ считалъ не естественнымъ слѣдствіемъ послѣдовательнаго народнаго развитія, а временнымъ стихійнымъ проявленіемъ народныхъ страстей, искусственно раз-

дутымъ небольшой кучкой ложно-интеллигентныхъ-безбожныхъ и безпощенныхъ лицъ, для которыхъ самыя ужасныя народныя бѣдствія служили средствомъ къ достиженію своекорыстныхъ цѣлей по безумному девизу: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. До конца дней своихъ о. Михаилъ вѣрилъ, что у русскаго народа хватитъ врожденнаго чувства правды, и что онъ со временемъ по достоинству оцѣнитъ своихъ непризванныхъ учителей. Такое мнѣніе онъ смѣло высказывалъ вездѣ народу, хотя съ горькимъ чувствомъ ему приходилось иногда наблюдать охлажденіе къ себѣ наэлектризованной „новаторами“ молодежи. Вообще же взгляды покойнаго на жизнь и людей всегда были проникнуты духомъ примиряющей терпимости, или снисхожденія. По его пословицѣ — въ жизни нашей: „бочка дегтю и ложка меду“, а посему и нужно всегда располагать себя къ терпѣнію, кротости, уступчивости и во всемъ отдаваться въ руки Благосердаго Промыслителя Бога. Такое всегдашнее свое убѣжденіе покойный оправдывалъ и своею жизнью: въ бѣдственныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ онъ сохранялъ всегда мудрое христіанское терпѣніе, подкрѣпляемое усердною молитвою, — тоже совѣтовалъ онъ и другимъ. „Вотъ, — указывая въ передній уголъ дома на храмовую икону Покрова Пр. Богородицы, — нагиайте чаще выю, и дѣло само собой уладится безъ насъ... Сколько бѣдъ Она отвратила отъ меня и доселѣ хранитъ меня цѣла и невредима подъ своимъ милостивымъ Покровомъ“...
Первою и главною заботою покойнаго протоіерея въ его многолѣтней пастырской дѣятельности былъ всегда его маленькій уютный деревянный храмъ. Благолѣпіе и безупречная чистота всегда были присущи этому храму. Всякое новое приобрѣтеніе для храма радовало о. Михаила больше, чѣмъ свое собственное: пожертвуетъ ли кто новый колоколь, ризу или другую какую церковную вещь, онъ восторгается всей душой, а что онъ бережетъ и любилъ свой храмъ болѣе собственнаго имущества, видно изъ слѣдующаго случая. Однажды, возвращаясь откуда-то домой, о. Михаилъ увидѣлъ издали надъ Русалкинымъ дымъ, онъ сильно волновался всю дорогу и твердилъ: „помилуй Богъ — храмъ сгоритъ, — лучше-бы домъ нашъ сгорѣлъ, и то много легче было-бы“... Когда же онъ приблизился къ благополучно стоящей вѣси и своему храму, то, взглянувъ на послѣдній, оцѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и съ радостію произнесъ: „Слава Тебѣ, Господи!“... Покойный любилъ церковное благолѣпіе: благозвучный звонъ,

стройное хоровое церковное пѣніе, неспѣшное и осмысленное чтеніе и пѣніе на клиросѣ. Можно себѣ вообразить, какъ восхищалась его душа, когда ему, убѣленному сѣдинами старцу отцу, на великіе свои храмовые праздники приходилось торжественно служить вмѣстѣ съ своими сыновьями священниками праздничную службу, при которой непремѣнно пѣли малыши школьники и любители взрослые, соорганизованные въ стройный хоръ пѣвчихъ или его собственнымъ стараніемъ, или стараніемъ его дѣтей. Покойный всегда радовался, если на клиросѣ хоть два три мальчугана или дѣвочки во время богослуженія подпѣвали псаломщику; когда у нихъ что-либо не ладилось, онъ самъ выходилъ къ нимъ на клиросѣ и скоро налаживалъ пѣніе. Обладая звучнымъ, пріятнымъ голосомъ, онъ служилъ всегда въ тонѣ, возгласы и молитвы произносилъ раздѣльно, читалъ внятно и не спѣшно. Во время богослуженія покойный нелѣпно проповѣдывалъ Слово Божіе. Онъ всегда отдавалъ предпочтеніе живой устной проповѣди предъ печатной, при томъ примѣнительно къ нуждамъ и потребностямъ паствы. „Бывало, говаривалъ онъ, начнешь читать по книгѣ проповѣдь,—видишь твои слушатели какъ то нехоти внимаютъ чтенію,—они слушаютъ, да нѣтъ такого оживленія и осмысленности въ ихъ взорахъ; а какъ только закрылъ книгу, началъ своими словами проповѣдь,—сразу видишь, какъ электричество пробѣгаетъ по толпѣ и она оживилась: глаза всѣхъ устремлены на тебя, и ты живо читаешь въ ихъ взорахъ сознательность и умиленіе. Да! покойный умѣлъ благотворно воздѣйствовать на слушателей и не безъ пользы оставалась его проповѣдь: откликъ на нее мы слышали изъ устъ даже интеллигента, который на семейномъ и общемъ обѣдѣ въ день похоронъ протоіерея очень призательно отнесся къ его проповѣднической и всей вообще мудрой пастырской дѣятельности. Кромѣ богослуженія и проповѣди въ храмѣ, покойный благотворно дѣйствовалъ на прихожанъ и во время посѣщенія ихъ домовъ при всѣхъ радостныхъ и горестныхъ событіяхъ: здѣсь онъ малодушныхъ утѣшалъ, неразумныхъ обличалъ или наставлялъ къ жизни праведной и благочестной, людей суевѣрныхъ и темныхъ просвѣщалъ истиннымъ свѣтомъ знанія. Особенно участливо и сердечно относился онъ къ бѣднымъ и больнымъ; послѣднимъ, при своемъ посѣщеніи ихъ, онъ нерѣдко давалъ очень полезныя совѣты къ лѣченію болѣзней простыми домашними средствами, чаще же всего

облегчалъ ихъ страданія своими сердечными участливыми бесѣдами. Не разъ, прїѣзжая отъ больного, онъ сильно скорбѣлъ, что въ духовныхъ семинаріяхъ не преподають медицины, которая очень нужна священнику при постоянномъ его соприкосновеніи съ недужными.

За свою долгую и добрую пастырскую службу покойный заслужилъ расположеніе и любовь не только своихъ прихожанъ, но и всѣхъ знавшихъ его, а отъ своего духовнаго начальства почтенъ былъ многими наградами.

Миръ праху твоему добрый, мудрый и скромный пастырь — вѣрный и нелѣностный служитель Бога Вышняго!

Священникъ *Петръ Ильинскій.*

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

13-го сентября, наканунѣ праздника Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Епископъ Пароеній, всенощное бдѣніе служилъ въ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ, а божественную литургію въ самый день праздника въ Кресто-Воздвиженской церкви по случаю храмоваго праздника. Въ кафедральномъ соборѣ литургію совершилъ Преосвященный Викарій, Епископъ Евдокимъ. На литургіи проповѣдь произнесъ Знаменской церкви священникъ Димитрій Георгіевскій.

15-го сентября скончался, а 17-го похороненъ на Всѣхсвятскомъ кладбищѣ священникъ Боголюбской церкви, о. Николай Сергіевскій (окончившій курсъ въ Тульской духовной семинаріи въ 1887 году). Отпѣваніе совершилъ, вслѣдствіе болѣзни Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Епископа Пароенія, Преосвященный Викарій, Епископъ Евдокимъ. Передъ отпѣваніемъ сослужитель почившаго, о. Леонидъ Владимірскій, сказалъ надгробное слово, въ которомъ охарактеризовалъ почившаго собрата, какъ одного изъ добрыхъ пастырей словеснаго стада Христова. Обширный Боголюбскій храмъ переполненъ былъ прихожанами, пришедшими отдать послѣдній долгъ почившему своему пастырю.

19-го сентября, въ воскресенье, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Епископъ Пароеній, совершивъ въ соборѣ литургію, во главѣ крестнаго хода отбылъ изъ онаго въ 12 часовъ дня къ мѣсту закладки военнаго (каменнаго) собора, у Кіевской заставы.